

Яо Чан рассмеялся от расслабленного юмора своего отца, прошедшего через годы:

— Мужская невестка соответствует стандартам?

— Ой, далеко, — сказал Яо Лисин. — Только красота подходит. По-моему, слишком красив, мужской Дацзя, заманил твоего племянника, поссорил с матерью.

— Какие планы? — спросил Яо Чан. — Жуйчжи ведь вернётся из США, вдруг тогда они... снова сойдутся?

Яо Лисин сказал:

— Тогда мне будет за восемьдесят, я не смогу управлять, пусть Яо Мянъ сама разбирается, волнуется до девяноста девяти лет. Я... давно читал литературу, я читаю разное, ты знаешь. Гомосексуализм сначала считался психическим заболеванием, на Западе не так открыто, как у наших предков, в «Стратегиях Сражающихся царств» уже был Лун Ян. Но когда это в своей семье, грех.

— В семьдесят шестом году землетрясение, парень выкопал Жуйжуй из грязи руками. Когда мы с твоей мамой приехали, прошло несколько месяцев, шрамы на руках ещё не зажили. Теперь думаю, если бы не любовь, не смог бы, — он лёг в постель. — Трудно. Ты... найди несколько человек, окружи наш дом. Боюсь, Яо Мянъ разозлится, напугает своего сына. Если он убежит, действительно пойдёт жить с ним.

Яо Чан кивнул:

— Сегодня ночью не убежит?

— Сегодня ночью не убежит, — сказал Яо Лисин. — Ты видел, как он говорил? Он готов раскрыть карты, завтра ещё покажет искренность, не убежит.

Яо Чан поднял большой палец:

— Папа, ты действительно крут, в людях разбираешься. Сестра похожа на тебя, но Жуйчжи нет, похож на шурина, очень импульсивный.

Яо Лисин кивнул:

— И мягкий. Я боюсь, его обманут.

— Этот Цан Ицзин определённо не прост, — сказал Яо Чан. — Из Циньхуандао до Шанхая. Мужчины боятся настойчивых мужчин.

Он сказал это, вспомнив следы на теле Чжун Жуйчжи. Действительно жестоко.

Яо Лисин сказал:

— Молодой, пылкий.

Чжун Жуйчжи стоял перед зеркалом в ванной, щёки опухшие, следы пальцев чёткие.

Дело зашло так далеко, избежать невозможно.

Он опёрся на раковину, глядя на своё отражение в зеркале. В голове только одна мысль: ни за что не хочу, чтобы всё закончилось ничем.

После этого шума его уже заперли в комнате. Что будет завтра?

Точно не выйдет.

Нельзя позвонить, нельзя написать. Увезут в Пекин, отправят за границу. Для Цан Ицзина Чжун Жуйчжи, несомненно, внезапно исчезнет.

Он обязательно придёт домой. Его побьют?

Наверное... люди дяди не пощадят.

Как мама с ним поступит?

Повлияет ли это на его бизнес?

Любимый исчез, дела под угрозой — это всё, о чём мог думать Чжун Жуйчжи. Они сделали это вместе, он не мог уйти и оставить Цзин Гэ одного.

На этот раз он хотел стоять до конца.

За окном грянул весенний гром, хлынул ливень.

Чжун Жуйчжи вышел из ванной, взгляд в окно был редкой для него твёрдой решимости.

Уже рассвет, небо будто прорвалось, дождь лил как из ведра.

В гостиной люксового номера отеля «Мир», где жил Цан Ицзин, на диване сидели Дин Минбо, Фэн Ян, Ван Сюань, несколько инвесторов из Шанхая, а также Гу Мяожань и несколько человек, специально приехавших из Гуанчжоу.

Комната была полна людей, кто сидел, кто стоял.

Цан Ицзин, держа сигарету в зубах, откинулся в кресле, снял её указательным и средним пальцами, выпустил кольцо дыма:

— Будешь смотреть на меня — денег не появится.

На его лице была наглая улыбка, скрывающая обычную сдержанность и элегантность. Сейчас он выглядел как хорошо одетый мошенник и негодяй.

— Что будем делать завтра на открытии? — спросил Дин Минбо.

Цан Ицзин выглядел равнодушно:

— Сяо Дин, держись. Я ещё не умер. Что, вы сможете отрезать моё мясо и продать?

Гу Мяожань тоже засмеялся:

— Твоё мясо ничего не стоит.

Цан Ицзин неопределённо посмотрел на него с улыбкой:

— Я устал, вам не нужно спать?

Гу Мяожань сказал:

— Играешь так сильно, ещё можешь спать?

— Могу, — сказал Цан Ицзин. — Господин Гу, чего боишься? У тебя большие дела.

Гу Мяожань улыбнулся:

— Большие дела, но нет привычки бросать деньги на ветер.

Цан Ицзин выпустил дым:

— У меня есть зарегистрированная компания, не сбегу.

Кто-то сказал:

— Мы хотим, чтобы ты вернул деньги?

Цан Ицзин изменил спокойный вид, ударил по столу. Он был высоким, оттолкнул стол ногой, злобно уставился на того человека:

— Я тебе должен?

Тот человек не осмелился говорить, его напугал злой взгляд Цан Ицзина. Он был не только бизнесменом, спекулянтom. Он был ещё и негодяем.

Фэн Ян сидел на диване, играя с армейским ножом длиной с ладонь.

— Что делаешь? — заикаясь, спросил тот человек. — Вы ещё и убивать будете?

Цан Ицзин откинулся назад, снова с видом полного контроля:

— Я человек, который соблюдает правила и закон. Трусливый. Все знают: когда только приехал в Гуанчжоу, попал в беду, стал осторожнее.

Он улыбнулся тому человеку, затем оглядел всех:

— Я действую по контракту. Те, кто нарушает правила, — он посмотрел на Фэн Яна, затем снова на того, кто спросил, убивают ли они, — я думаю... все знают, что с ними будет.

В те времена, когда камеры наблюдения не были распространены, не говоря уже о трёх ударах ножом, избить до полусмерти в переулке — убийцу не найдут.

К тому же, если заплатить достаточно, найдутся головорезы, готовые сделать грязную работу.

— Не нервничайте, — сказал Цан Ицзин. — Все мы из плоти и крови. Я, Цан Ицзин, не неуязвим, ещё не дошло до ножей и смертельных игр. Два года я вёл вас к победе. Как несколько проигршей стоят такого ночного нападения?

В комнате воцарилась зловещая тишина.

Гу Мяожань покачал головой, улыбнулся:

— Их деньги все в твоих руках.

Цан Ицзин крутил зажигалку:

— Верно. Тогда чего вы боитесь? — Он сказал Гу Мяожаню: — Господин Гу, не думаете ли вы, что кто-то за спиной подстрекает?

Эти люди были ошеломлены его словами. В небольшой гостиной на мгновение воцарилась тишина, которую первым нарушил Гу Мяожань:

— Ты знаешь мою ситуацию. У моего отца есть задание, которое я должен выполнить,

последние два года у меня нет времени играть на бирже. Завтра на открытии, сколько смогу вывести, столько и выведу. Собрание фондовой биржи, через два месяца закончится срок, тогда я сразу выйду.

Он улыбнулся:

— Что касается подстрекательства... я вырос за границей, недавно вернулся, мало что видел, плохо говорю по-китайски, не совсем понимаю твои слова, господин Цан. Будь прямолинеен, говори прямо.

Кто-то добавил:

— Я представляю десять компаний, включая Чаоян, Чэнтоу, Гуанфа, выхожу из частного фонда. Тогда мы будем требовать возврата замороженных средств по условиям контракта, и по пропорции контракта разделим акции. И... подадим заявление в банк, чтобы заморозить все твои активы в качестве залога.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197318>